

ОТРАЖЕНИЕ АВТОРСКИХ ИНТЕНЦИЙ В МЕТАСТРУКТУРАХ

Барабанщикова О.Ю.

Киевского национального лингвистического университета

Барабанщикова О. Відображення авторських інтенцій в метаструктурах. Об'єднання людей, для яких мова є рідною, - найважливіша її мета, зумовлена самою природою. Виходячи з цього виникає потреба подолати диференціацію, в основі якої лежить діалектне розчленування, взаємовплив контактуючих мов, вікова, соціальна і професійна неоднорідність будь-якого суспільства. В цьому відношенні функція тлумачення, як здатність мови створювати повідомлення про себе саму, є необхідною, а іноді і незамінною умовою повноцінного вербального спілкування.

Ключові слова: авторські інтенції, метаструктура, темпоральна інформація.

Olga Barabanshchykova Reflection of an author intentions in meta-structures. Connecting native speakers is the most important goal of any language, and it is predetermined by nature of a language. Based on this there is a need to overcome differentiation, which is based on dialectal division, mutual influence of contacting languages, age, social and professional heterogeneity of any society. In that regard, the function of interpretation, as the ability of a language to create a message about oneself, is necessary, and sometimes indispensable, for a full verbal communication.

Key words: meta-structure, author's intention, temporal information.

Анализ публицистических и художественных текстов, содержащих нетрадиционные (несловарные) определения к слову, дает возможность проследить с помощью самого факта толкования интенции автора, его стремление отстоять свою точку зрения в споре с реальным или потенциальным оппонентом:

*Я спросил: “Чем по жизни занимаетесь?”. – “Информационным бизнесом”. – “Это как?”. – “Наша фирма торгует информацией. В одном месте мы ее добываем, в другом продаем». – “Ага, понятно: спекуляция”. – “Ну почему сразу спекуляция? Просто бизнес”. “Ладно, назовем это бизнесом”, – согласился я и добавил с усмешкой: “Удачливый спекулянт: бизнесмен. Неудачливый бизнесмен: спекулянт. Кстати, в разных странах бизнес это разное”. – “Что значит – разный бизнес?” – “Бизнес по-американски: подарить нищему доллар и заработать на этом миллион. Бизнес по-английски: купить старье и продать как реликвию. Бизнес по-французски: взять в долг и всё потратить на любовниц. Бизнес по-итальянски: взять кредит и испариться. Бизнес по-немецки: всю жизнь откладывать по одному пфеннингу и потратить накопленное на свои пышные похороны. Бизнес по-русски: устроить „пирамиду“ и на уворованные деньги построить синагогу”. [1]; **Навет** – синоним доноса. “Честь, цитирую по Далю, - внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть”. Честный человек – прямой, правдивый, неуклонный по совести своей и долгу. Надежный в слове, кому во всем можно доверять. [2]; **Изгой** - в древней Руси - человек, вышедший из своего прежнего состояния и лишенный средств существования.. Пришлось посмотреть у Ожегова и **отщепенца**. Отщепенец – человек, отколовшийся от какой-нибудь среды, отступник.. Толкование **космополита** решил взять не из советских словарей, а заглянуть в “Словотолкователь” Бурдона и Мехельсона за 1875 год (чтобы объективно было): “Космополит – гражданин вселенной,*

человек, почитающий отечеством своим не ту страну, где он родился, а целый мир” [3, Нева]; В английском языке есть слово **имидж**, в точном словарном переводе означающее образ, но не в поэтическом, а в политическом смысле. [4, ЛГ]

В данном перечне лишь слово *имидж* отличается относительной новизной, остальные же единицы, семантизируемые с помощью произвольно объединяемых словарных и несловарных определений, обладают либо примерно равной степенью известности (*космополит, навет*), либо широкоупотребительны (*донос, изгой, отщепенец, спекулянт, честь*). Таким образом, причиной толкования во всех данных случаях является не столько степень новизны, сколько намерение автора убедить адресата, заставить признать свою точку зрения истинной, что оказывает несомненное влияние на способы толкования. Показательно, что здесь на фоне приводимых автором словарных определений отчетливо звучит его собственный голос, сообщающий семантизации экспрессивно-эмоциональный характер. Так, в определении к слову *спекуляция* просматривается факт несогласия автора с оппонентами, в результате чего противопоставляются несовпадающие толкования, причем восстанавливается мотивированная структура значения, стертая обстоятельствами бытования слова в определенной социальной среде (слово *спекуляция* принадлежит к числу пейоративных слов). Итак, имеем неучтенный официальной лексикографией тип определения: субъективное толкование экспрессивно-этимологического характера.

Иной аспект анализа целесообразен при рассмотрении примеров с ключевыми словами *честь* и *космополит*, которые сопоставляются с синонимичными им лексическими единицами, но в то же время слово *честь* оттенено его антиподами (*навет, донос*), а мнимая синонимичность слов *отщепенец* и *космополит* опровергнута объективным толкованием, исключая аналогию со словом *изгой*.

На основании рассмотренных примеров возможен также вывод о том, что осуществление “чистых” метаинтенций, без примеси сопутствующих им авторских намерений, - явление для публицистических и художественных произведений нехарактерное. Остановимся на случаях, которые можно отнести к сугубо метафункциональным.

Там была **инструменталка** – кладовка, где хранился инструмент – пилы, лопаты, топоры, ломы, кайла горнорабочих; .. так называемый **гинтер**, на котором я спал, - офицерский складной сундучок времен первой мировой войны, соединявший в себе и маленький сундук и узкую раскладную койку [5, Шаламов]; Начальная **эйфория** (чувство радостного возбуждения) прошла, появилась слабость в ногах [6, Щербак].

Имплицитно присутствующие даже в “чистых” метаструктурах (если иметь в виду наибольшее их сходство с “бесстрастными” словарными статьями) указания на причины толкования (*инструменталка* – жаргонизм, *гинтер* – иноязычное, к тому же старое слово; *эйфория* – международный медицинский термин) в большинстве аналогичных случаев выражается эксплицитно.

Если рассматривать сам факт толкования слова под углом зрения обогащения знаний об окружающей действительности, поскольку вместе с языком (и родным и новым для него) человек “получает в готовом виде значительный объем проверенных и отработанных в результате многовекового опыта знаний, закрепленных в самой структуре языка” [1], добавления к основным, словарным, сведениям в метаструктурах воспринимаются в контексте увеличения объема знаний о лексическом значении слова. Так, экспликаторами дополнительной информации о слове могут служить локативные наречия (там – здесь) и лексические указатели на конкретное место действия:

Просматривая эскизы и наброски своих подчиненных, он черным углем, здесь его называли “соус”, наносил несколько штрихов [7, Рыбаков]; ..во дни гуляний или как их тут называли – “питников” (надо понимать “пикников”.. [8, Астафьев].

Аналогично преподносится темпоральная информация, причем в противовес панхроническому “всегда”, фиксируемому благодаря употреблению настоящего (постоянного) времени глагола, вводятся не только наречные формы (тогда – сейчас), но и конкретные даты.

К разряду сугубо утилитарных могут быть отнесены сдвоенные дефиниции, направленные, подобно словарным определениям на последовательное толкование многозначного слова (“Спор значений или их взаимосвязь”):

“Добро” в русском языке слово двусмысленное, и одними и теми же буквами обозначаются как предметы, представляющие исключительную материальную ценность, которыми в одиночку Игорь Иванович не мог распоряжаться, так и нечто положительное в поступках, не имеющего материального эквивалента [9, Кураев]; Слушай, я ведь представляю Россию, но я ее не пред-став-ляю! – каламбурил он [10, Солженицын].

Использование самого факта полисемии для достижения не столько познавательных, сколько эмоциональных целей, в частности, для создания комического эффекта, проявляются при сознательном сталкивании в метаединстве аббревиатур (или искусственно приравниваемых к ним несокращенных слов) одного звучания:

- Вы знаете, как находчивые киевляне расшифровывают слово купон!!? “Как украинское правительство объегорило народ”.

- Остроумно, но несправедливо. [11,ВК] – 1991, 20 декабря)

Заметим, что в некоторых приводимых примерах “бесстрастному толкованию слова сопутствует фактор оценки толкуемой лексической единицы: безвкусно сляпанная аббревиатура *СМЕРШ*, мерзкое слово *сексот*., Если смысл слова, на котором сосредоточено внимание автора, ясен, по его мнению реципиенту без объяснений, происходит явный сдвиг в иерархии компонентов лексического значения, обозначенных Эрдманном [2]: понятийное содержание слова и указание на его смысл уступает первенство “содержанию настроения”. В таких обстоятельствах наблюдается практически полное

игнорирование функции толкования, восполняемое в какой-то мере, введением предпочитаемого автором синонима (“спор терминов”):

Волосы ее были светлее черных, но темнее темно-русых – те, про которые нам предлагают невразумительное слово “шатенка”, а сказать бы чернорусые – между черными и русыми [12, Солженицын].

Возрастание роли “эмоционального обертонa” [3, Тараненко] по сравнению с утилизированной (сугубо познавательной, когнитивной) информацией прослеживается при анализе примеров, основанных на сопоставлении аллонимов:

Если бы меня попросили назвать три лучших города, я бы назвал: Ленинград, Петроград, Петербург [13, Ог.].

Характерное для публицистических и художественных текстов выдвижение на первый план эмоционального обертонa может быть соотнесено с подмеченной Ю.Д. Апресяном [4] способностью “наивных” толкований отражать свойства самих говорящих. В результате объекты описываются более точно и полно, что соответствует основным чертам метаопределений, в которых выразительно звучит полемический авторский голос:

У заемного слова “сентиментальность” есть русский эквивалент “чувствительность”. И то и другое усилиями критики и воспитания обращено в нечто постыдное. Чувствовать неприлично: плохо, когда плачут. Это сегодня как признак низкой степени развития. [14, Ог.].

Знаменательным с точки зрения проявления эмоциональных обертонov при оценке слова, но теоретически спорным представляется право включения в зону действия толкования таких случаев усиленного внимания к элементам сложного слова : *рабсила* (язык знает, как сокращать!); замены синонимом одного из компонентов словосочетания *молодой специалист – недо-специалист* ; противопоставление омонимов, принадлежащих к разным частям речи или различающихся ударением *христопродавец – христопродавец*.

Основываясь на анализируемом материале, в котором используют метаструктуры не только с сугубо информационной целью, но и для выражения своих чувств, можно подтвердить – между коннотацией и денотацией нет абсолютного противопоставления [5, Говердовский] поскольку представляющие функцию толкования единицы нередко совмещают в себе “семантическую значимость” [6, Сальников 1988: 76] и экспрессию.

Литература

1. Кузнецов А.М. – Отражение результатов познавательной деятельности в структуре языкового сознания. – Языковое сознание: тез. докл. IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. . – М., 1988. – 96 с.
2. Erdmann K. Bedeutung des Wortes. – Leipzig: Halssel , 1925. – 107 s .
3. Тараненко А.А. – Языковая семантика в ее динамических аспектах. – Киев: Наукова думка , 1989. – 103 с.
4. Апресян Ю.Д. – Принципы семантического описания единиц языка. Сб. Семантика и представление знаний. Тарту – 1980. – 11 с.
5. Говердовский В.И. Диалектика коннотации и денотации: Взаимодействие эмоционального и рационального в лексике . – Вопросы языкознания, . – 1985. – 75с.
6. Сальников Н.М. Роль коннотаций в процессе обучения русскому языку. – Русский язык за рубежом, 1988. – № 4, 76 с.

Источники иллюстративного материала

1. Векшин Н. / Векшин Николай Лазаревич, – <https://unotices.com/book.p.78>
2. Комсомольская правда, (1999) 12 сентября
3. Нева (1989), №1
4. Литературная газета (1988), 11 марта
5. Шаламов Варлам Выходной день / Шаламов Варлам Тихонович, – М.: Огонек № 22, 1989. – 14 с.
6. Щербак Юрий Чернобыль / Щербак Юрий, – М.: Юность №7 1987. – 33 с.
7. Рыбаков А.Н. Дети Арбата / Анатолий Наумович Рыбаков. – М. : Новый Мир № 4, 1987. - 132 с.
8. Астафьев В. Печальный детектив/ Астафьев Виктор Петрович, – М.: Роман газета №5, 1987. – 12 с.
9. Кураев М. Капитан Дикштейн / Кураев Михаил Николаевич, – М.: Новый мир №9, 1987. – 18 с.
10. Солженицын А. В круге первом / Александр Исаевич Солженицын. – М.: АСТ, 2008. – 432 с.
11. Вечерний Киев (1991), 20 декабря
12. Солженицын А. Раковый корпус / Солженицын Александр Исаевич. – М. : Новый Мир №8, 1989. – 112 с.
13. Огонек (1994) №8
14. Огонек (1989) , №16